

ЗОЛОТЫЕ ПУЗЫРЬКИ

ЧАСТЬ 1

Полина Аистова

Золотые пузырьки. Часть 1

<https://litres.ru/74006848>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный октябрь. Усталая брюнетка Лиза возвращается с работы, покупает вишневый йогурт и мечтает о коллеге, который на нее не смотрит. А потом в коридоре ее квартиры появляются золотые пузырьки.

Они ведут в «временную петлю» — параллельный мир, где город залит золотым сиянием, еда появляется из ниоткуда, а загадочный Босс раздает поручения. Лиза должна стать Хранительницей древней статуи Песочных часов, от которой зависит равновесие миров.

Но как хранить секрет, когда в обычной жизни появляется ОН — кассир, запомнивший ее любимый йогурт? И готова ли Лиза пожертвовать всем, когда один из миров начнет рушиться?

«Золотые пузырьки» — история о чуде в рутине, о любви у стеллажа с йогуртом и о том, что даже серая осень может обернуться золотом.

Содержание

Глава 1. Золотая пыльца октября	4
Глава 2. Цвета безмолвия	16
Глава 4. Возвращение в серость	41
Глава 5. Оттенки дня	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Полина Аистова

Золотые пузырьки. Часть 1

Глава 1. Золотая пыльца октября

Октябрь в нашем городе – это не время года, это диагноз. Он пробирается под кожу не холодом, а какой-то всепроникающей, серой усталостью, которая сочится из низких туч и липнет к асфальту вместе с первой, ещё робкой грязью. Рабочий день закончился не точкой, а многоточием, растворившись в бесконечном мельтешении цифр и писем, оставив после себя только гулкую пустоту в голове и ноющую тяжесть в плечах.

Я вышла из офисного здания, и вечерний воздух, пахнувший прелой листвой и выхлопными газами, наконец-то коснулся лица. В офисе было душно, вечно гудел кондиционер, и воздух там был сухой, как вата, а здесь, на улице, он был влажным, густым, почти осязаемым. Я – Лиза, и это мой обычный вечер, мой обычный путь сквозь спальный район, зажатый в тисках одинаковых пятиэтажек. Я невольно взглянула на своё отражение в тёмной витрине закрытого ларька. Из стекла на меня смотрела усталая брюнетка с острыми, чётко очерченными скулами и нелепо вздёрнутым, словно в вечном удивлении, курносым носом. Карие глаза казались

почти чёрными в сумеречном свете, глубокими колодцами, в которых плескалась накопленная за день усталость. Худое телосложение, которое некоторые называли «изящным», сейчас ощущалось просто уязвимым перед промозглым ветром. Под ногами хлюпала каша из мокрых листьев – клены сдавались без боя, роняя свои ладони на тротуары. Я поправила воротник пальто и пошла дальше.

Путь мой лежал в продуктовый магазин у дома. Не из тех огромных гипермаркетов, где можно заблудиться на полдня, а из маленьких, «семейных», где каждый продавец тебя знает в лицо, а лампы гудят низко и как-то по-домашнему уютно. Это был ритуал, маленький островок предсказуемости в море жизненного хаоса. Толкнув пластиковую дверь, я нырнула в царство резкого электрического света и смешанного запаха свежей выпечки, влажных овощей и бытовой химии. В магазине было пусто, только где-то в отделе молочки тихо гудел холодильник. Я взяла плетеную корзину, ручка которой привычно скрипнула под тяжестью моей усталости, и медленно двинулась вдоль прилавков.

Сначала – овощной ряд. Я выбрала пару упругих огурцов в пупырышках, которые пахли свежестью и летом, и три крепких помидора, красных, с глянцевым блеском. К ним в компанию отправились два болгарских перца, гладких и блестящих, будто лакированные. Лёгкий ужин – это всё, на что у меня были силы. Дальше – фрукты. Яблоки, крепкие, жёлтые, с едва заметным румянцем, пахли осенним садом, и я

бросила в корзину штук шесть. Потом я скользнула взглядом по полкам с хлебом. Мой любимый, кирпичик «Дарницкого» с хрустящей, поджаристой корочкой, которая так вкусно трещит в тостере, лег в корзину тёплым и надёжным грузом. Затем, почти на автомате, рука потянулась к охлаждённой полке, где ровными рядами стояли они – баночки «Даниссимо» с их кремовой, воздушной текстурой и соблазнительным рисунком на крышке. Вишнёвый. Мой якорь в мире маленьких радостей. И, наконец, самое важное: пакет с сухим кормом для Тимки, с нарисованным на упаковке нахальным британцем, смотревшим на мир с королевским презрением. Мой домашний тиран не простил бы, если бы я забыла о его ужине.

Корзина ощутимо потяжелела. Я направилась к единственной работающей кассе. Звук сканера, этот ритмичный, монотонный писк, всегда действовал на меня усыпляюще. *Писк* – помидоры. *Писк* – огурцы. *Писк* – перец. Я механически выкладывала продукты на ленту, даже не глядя на кассира, погружённая в своё бесконечное внутреннее кино, где режиссёром была усталость. *Писк* – хлеб. *Писк* – корм. *Писк* – «Даниссимо». Я подняла голову, чтобы сказать «пакет не нужен», и осеклась. За кассой сидел парень. Не тот вечно хмурый дядька или скучающая тётя, а новый кассир. И он улыбался. Не дежурной, резиновой улыбкой «для клиента», а как-то открыто и вежливо, словно ему действительно было приятно меня видеть. Улыбка отразилась в его глазах,

смягчив черты лица. «С вас четыреста тридцать два рубля», – сказал он, и голос у него оказался приятный, спокойный. Эта простая, человеческая вежливость, этот мимолётный лучик тепла пробил брешь в моей защитной броне усталости. Я неловко улыбнулась в ответ, чувствуя себя немного растерянной, расплатилась картой, услышала короткое «Спасибо, до свидания», собрала пакеты в охапку и вышла обратно в промозглую осень.

До дома было рукой подать. Я живу на третьем этаже обычной пятиэтажки в спальном районе. Подъезд встретил знакомым запахом сырой штукатурки, пыли и чьих-то сигарет. Лифта в таких домах, конечно, не предусмотрено, поэтому каждый шаг по стёртым бетонным ступеням давался с трудом. Пакеты оттягивали руки, ключ в замке пришлось поворачивать с усилием, плечом толкая старую, разохшуюся дверь. Едва я переступила порог, как меня оглушило громким, требовательным «Мяу!», в котором отчётливо слышалось: «Ну наконец-то! Где ты шлялась? Меня здесь не кормят, не гладят, и вообще, я умираю от голода с того самого момента, как ты ушла».

Тимка, мой годовалый серый британский кот с глазами цвета расплавленного янтаря, вился у моих ног, путаясь в полах пальто и изо всех сил изображая самое голодное и несчастное существо на планете. «Иду, иду, мой маленький иждивенец», – пробормотала я, скидывая туфли. Я прошлёпала босыми ногами на холодную кухню, бросила пакеты

на стол и первым делом открыла заветную пачку с кормом. Аромат курицы и каких-то злаков заполнил кухню. Тимка, услышав шорох насыпаемых гранул, издал короткое, урчащее «Мурррр-мя», в котором было всё: и благодарность, и признание моего существования, и лёгкое недовольство скоростью обслуживания. Как только корм оказался в миске, он набросился на него с сосредоточенностью голодного охотника, забыв о моём существовании.

Оставив его на растерзание ужину, я, наконец, добралась до ванной. Горячая вода была сродни священнодействию. Я стояла под тугими, почти обжигающими струями, чувствуя, как с моих плеч, спины, ног стекает не просто вода, а вся накопившаяся за день свинцовая усталость. Пар окутывал всё вокруг плотным облаком. И в этом облаке, в этом состоянии полудрёмы и расслабленности, из ниоткуда всплыло воспоминание. Тот кассир. Его улыбка. Просто вежливый человек, ничего особенного. Но почему-то это маленькое, необязательное проявление доброты вспомнилось сейчас, в тепле и одиночестве ванной. Какая глупость, подумала я. И тут же из-за матовой стеклянной двери донёсся требовательный скрежет когтей. «Мя-а-ау», – донёсся полный трагизма голос Тимки, который явно был оскорблён тем фактом, что вода льётся где-то без его кошачьего контроля. Скрежет повторился, настойчивый и громкий.

– Иду, Тим, иду! – крикнула я, поспешно домываясь и выключая воду.

Выйдя из душа, закутанная в мягкий махровый халат, пахнувшая гелем с ароматом кокоса, я почувствовала лёгкость, граничащую с полным опустошением. Для лёгкого ужина много сил не надо. Я порезала огурцы, помидоры и перец, добавила немного зелени, сбрызнула оливковым маслом. Получился простой, яркий салат – витаминная бомба в серости октября. Я устроилась на маленькой кухне, Тимка, насытившись и умывшись, запрыгнул на соседний стул и теперь щурился, поджав под себя лапы. В квартире было тихо, только холодильник гудел.

Салат был съеден наполовину, когда я потянулась к смартфону. Сначала, как всегда, по привычному, почти бессознательному маршруту, я открыла рабочий мессенджер. Нашла чат с Артёмом. Артём... Он работал в смежном отделе, и его редкие сообщения, его ирония и лёгкая манера общения всегда поднимали мне настроение. Он мне нравился, это было моей тайной, тщательно оберегаемой даже от самой себя. Вдруг он что-то написал? Вдруг вспомнил обо мне? Сердце пропустило глупый, робкий удар. Но чат был глух. Там всё так же висела наша последняя, сухая переписка с мая, закончившаяся его коротким «Ок». Я смотрела на это «Ок», и оно казалось мне монументом моей нерешительности. С грустной усмешкой я вышла из мессенджера.

Чтобы заглушить это липкое, тоскливое чувство, я переключилась на ленту видеороликов. Яркие, кричащие, сменяющие друг друга кадры затянули меня. Знаменитости на

красных дорожках, знакомые из отпуска, чей-то умилительный лабрадор... И вдруг – смешное видео. Огромный, пушистый кот, чем-то похожий на Тимку, но более рыхлый, пытался запрыгнуть на шкаф. Он долго целился, вилял задом, и в решающий момент, когда прыжок должен был стать триумфом, он банально промахнулся, ударился головой о дверцу и с оглушительным грохотом рухнул на пол, приняв максимально нелепую позу. Я фыркнула, а потом и вовсе рассмеялась в голос, представив на его месте своего грациозного Тимку. Смех вышел каким-то надтреснутым, будто я разучилась смеяться. Тимка на соседнем стуле дёрнул ухом, неодобрительно на меня покосившись.

И в этот момент, когда мой собственный смех ещё звенел в тишине, я услышала шорох. Тихий, шуршащий звук доносился из коридора. Словно мышь скреблась, или, может, бумага шуршит. Я скосила взгляд на Тимку. Кот сидел на стуле в позе сфинкса и смотрел прямо на меня. Шерсть на его загривке вдруг вздыбилась. «Тим, это не ты?» – шёпотом спросила я, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. Кот даже ухом не повёл.

Шорох не прекращался. Он был монотонным, каким-то живым. В моей квартире, где я живу одна, посторонние звуки – это нонсенс. Это нарушение всех законов моего маленького, контролируемого мира. Замешательство сменилось тревогой. Я отложила телефон, чувствуя, как гулко забилось сердце. Надо проверить. Просто пойти и проверить.

Я поднялась со стула, стараясь не шуметь, и на ватных ногах пошла в тёмный коридор. Тимка с неожиданной прытью спрыгнул со стула и потрусил за мной, словно охранник.

В коридоре было темно, свет из кухни падал лишь на порог, выхватывая кусок старого паркета. Я вошла в эту полутьму и замерла. От пола, прямо сквозь доски, поднимались маленькие светящиеся сферы. Золотые пузырьки. Они были похожи на мыльные, только светились изнутри тёплым, живым, переливающимся светом. Их были десятки, они медленно поднимались вверх, сталкиваясь, кружась в медленном, безмолвном танце, и в их свете тёмный коридор преобразился, став похожим на дно волшебного колодца, наполненного звёздной пылью. Время остановилось. Я не могла вдохнуть, не могла пошевелиться, заморожённая этой нереальной, пугающей и притягательной красотой. Мозг отказывался интерпретировать входящий сигнал, выдавая лишь паническое: «Этого не может быть».

И тут в моей голове, в самом её центре, раздался голос. Он не был мужским или женским, он не имел тембра. Он был тихим, ясным и, казалось, звучал изнутри моей же черепной коробки, обходя барабанные перепонки. «Дотронься». Одно лишь слово, произнесённое с убедительной и спокойной интонацией.

Я вздрогнула всем телом, как от удара током, и инстинктивно отшатнулась, прижавшись спиной к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучало. *Я сошла*

с ума. Точно. Вот так это и происходит. Не громко и пафосно, а тихо, в конце обычного рабочего дня, среди пакетов с йогуртом и кошачьего корма. Мысль была трезвой и оттого ещё более пугающей. Мне нужно доказательство. Нужно зафиксировать это. Я, трясущимися руками, как за спасательный круг, схватилась за телефон. Включила камеру, навела объектив на танцующие в воздухе золотые сферы.

Экран был чёрным. Только тёмный прямоугольник коридора. Ни единой искорки, ни одного золотого блика. Я нажимала на спуск, делая снимок за снимком, снимала видео. Ничего. Абсолютно ничего. Только моё собственное искажённое ужасом лицо на секунду вспыхнуло на экране. Пузырьки были передо мной, я видела их собственными глазами, но для камеры они не существовали. Шок – это слишком мягкое слово. Моя картина мира, та самая, что держалась на эмпирическом опыте и законах физики, дала трещину. «Галлюцинации, – пронеслось в голове. – Визуальные и слуховые. Шизофрения или опухоль. Надо срочно искать в интернете».

Я резко развернулась, буквально убегая от этого золотого чуда в свою комнату. Тимка с громким, возмущённым мявом метнулся из-под моих ног. Я захлопнула за собой дверь, словно это могло защитить меня от видений, и рухнула на кровать, всё ещё сжимая в руке телефон. Стылый свет уличного фонаря просачивался сквозь неплотно задёрнутые шторы. Дрожащие пальцы забегали по виртуальной клавиатуре: «вижу то чего нет на самом деле диагноз», «слышу го-

лоса в голове причины», «галлюцинации после стресса». Я погрузилась в бездну медицинских форумов и сайтов, читая симптом за симптомом. Шизофрения, острое психотическое расстройство, опухоль головного мозга... Диагнозы были один страшнее другого. Каждое прочитанное слово ложилось свинцовой плитой на грудь. Я читала о бредовых состояниях, о нарушении восприятия реальности, и с ужасом примеряла это всё на себя. «Золотые пузырьки, которые никто не видит, – бормотала я, – классика жанра». Глаза слипались от усталости, строчки плыли, телефон падал на подушку, я снова его поднимала. Эта битва с информацией, попытка рационально объяснить иррациональное, истощила последние силы. Незаметно для себя, в обнимку с телефоном, я провалилась в тяжёлый, липкий сон без сновидений.

Сон не шёл. Вернее, он был, но какой-то ненастоящий. Я снова стояла в коридоре, и пузырьки кружили вокруг меня, но теперь их были не десятки, а сотни, тысячи. Золотая метель закручивалась в спираль, затягивая меня в воронку. И снова этот голос, настойчивый и многократно усиленный: «ДОТРОНЬСЯ». И во сне, где нет логики и есть только чистое чувство, я не испугалась. Я протянула руку, и как только кончики пальцев коснулись одного из них, меня закрутило, подхватило и понесло с чудовищной скоростью сквозь золотой вихрь. Это было падение в бесконечность, в котором не было ни верха, ни низа, только животный, всепоглощающий страх.

Я проснулась в холодном поту, резко сев на кровати. Сердце выбивало барабанную дробь, дыхание было сорванным. Я машинально включила ночник, ища спасения в тусклом, жёлтом свете лампочки. Сон отступал, но ощущение ужаса осталось. Я подтянула колени к груди, пытаюсь успокоиться, убедить себя, что это был просто ночной кошмар, порождённый переживаниями.

Но, опустив взгляд, я увидела их снова. У самого изножья кровати, прямо в воздухе, в свете ночника, колыхались несколько крошечных, золотых пузырьков. Они были реальны. Ярче, чем прежде.

И внутренний голос, теперь уже не тихий и спокойный, а настойчивый, пульсирующий в такт биению моего сердца, прошелестел:

«Дотронься».

«Дотронься».

Я смотрела на них, чувствуя, как по щекам катятся слёзы – не то от страха, не то от бессилия перед чем-то непостижимым. Я больше не могла бороться. Вся моя рациональность, весь мой скепсис, все прочитанные статьи о диагнозах – всё это рухнуло, разбилось вдребезги об это золотое сияние. Это не было болезнью. Это было что-то другое. Что-то, что пришло именно ко мне. Вселенная, судьба или безумие – какая теперь разница? Любопытство, самое древнее и самое опасное из чувств, пересилило парализующий страх.

Замерев в нерешительности, чувствуя, как внутри меня

борются ужас и лихорадочное, неземное возбуждение, я медленно, словно во сне, протянула руку. Моя ладонь была открыта, пальцы дрожали. Я затаила дыхание, когда кончик моего указательного пальца приблизился к самому яркому, пульсирующему пузырьку, который будто бы сам плыл ко мне навстречу. Оставался какой-то миллиметр. Я закрыла глаза.

Глава 2. Цвета безмолвия

В моей голове, перекрывая даже грохот сердца, билась одна-единственная мысль: «Хватит. Хватит бояться. Просто сделай это». Решимость, рождённая не храбростью, а абсолютным, выматывающим истощением, толкнула мою руку вперёд. Я преодолела последний, микроскопический рубеж между реальностью и невозможным. Мой указательный палец коснулся самого яркого, самого настойчиво пульсирующего золотого пузырька.

На одно бесконечное мгновение мир замер.

Я ожидала взрыва. Я ожидала ослепительной вспышки, которая выжжет сетчатку, острой боли, раздражающей тело изнутри, оглушительного грома – чего угодно, что соответствовало бы масштабу происходящего. В глубине души я даже приготовилась к тому, что сейчас меня разорвёт на части или, наоборот, сплющит в лепёшку неведомой силой. Я зажмурилась так сильно, что в глазах вспыхнули оранжевые круги.

Вместо этого раздался щелчок.

Тихий, сухой, внутренний – такой звук, какой издают старые лампочки, перегорая в последний раз перед тем, как навсегда погрузить комнату в темноту. Звук был не в комнате, не снаружи, а где-то глубоко внутри моей собственной головы, будто кто-то невидимый щёлкнул выключателем у меня

в мозгу. Короткий и окончательный, как поставленная точка в конце длинного, запутанного предложения.

И всё. Ничего не изменилось. Точнее, изменилось всё – но не так, как я ожидала. Я всё так же сидела на постели с вытянутой рукой, в той же нелепой, застывшей позе, в том же чудовищном напряжении, чувствуя, как затекли мышцы плеч и шеи. Я медленно, очень медленно, будто боясь спугнуть что-то невидимое, опустила руку и положила её на колени.

Пузырьки исчезли. Просто растворились в воздухе, будто их и не было. Будто они были всего лишь игрой света, бликами на стекле, мимолётной оптической иллюзией, на которую мой переутомлённый мозг решил меня разыграть. Но я-то знала – они были. Я чувствовала их тепло на кончиках пальцев, видела их переливы, слышала тот тихий, почти музыкальный шорох, с которым они кружились в воздухе.

Дыхание постепенно выравнивалось, возвращаясь к нормальному ритму. Сердце, которое ещё секунду назад готово было выпрыгнуть из груди, перестало биться где-то в горле и вернулось на своё законное место, успокаиваясь и замедляя бешеный галоп. Я сидела на кровати, медленно приходя в себя, и рассеянно, почти бессознательно скользила взглядом по комнате. По самой обычной, моей комнате, в которой я прожила уже несколько лет, где каждый угол был знаком до мельчайшей пылинки.

И тут я замерла снова.

Моё постельное бельё. Оно было бежевым. Спокойный, нейтральный, уютный бежевый цвет, который я выбирала месяц назад, потому что он «успокаивает и способствует здоровому сну». Теперь оно было ярко-жёлтым. Не просто жёлтым, а ядовито-канареечным, режущим глаз, как неестественный свет дешёвой неоновой вывески. Я провела по ткани ладонью – она была той же на ощупь, тем же мягким сатином. Но цвет изменился.

В висках застучало. Я резко повернула голову. Ночник. Мой старый, верный ночник в форме гриба, купленный ещё в студенчестве, который всегда горел уютным, приглушённым красным светом, создавая в спальне атмосферу фотолаборатории, теперь светил ровным, спокойным зелёным. Травянисто-зелёным, как молодая листва, просвеченная солнцем. Я смотрела на него, не в силах отвести взгляд, и чувствовала, как паника, только что отпустившая меня, возвращается с утроенной силой. Это не было похоже на галлюцинации, которые я изучала несколько часов назад. Галлюцинации не бывают такими... стабильными. Такими предметными. Такими детальными в своей неправильности.

Паника, которая только что начала отпускать меня, возвращалась с утроенной силой, накрывая липкой, душной волной. Я чувствовала, как по спине стекает холодный пот, как волосы на затылке встают дыбом. Это не было похоже на галлюцинации, которые я несколько часов подряд изучала на медицинских форумах, вживаясь в чужие истории о ши-

зофрении и опухолях мозга. Галлюцинации не бывают такими... стабильными. Такими предметными. Такими упорядоченными в своей неправильности. Если у тебя галлюцинации, ты не можешь потрогать их рукой и ощутить фактуру ткани. Ты не можешь подойти к ночнику и проверить – да, он светит зелёным, это не игра воображения.

Я оглядела комнату, пытаюсь зацепиться взглядом хоть за что-то привычное. Стены? Вроде бы те же бледно-персиковые обои. Но этот оттенок... он казался теперь глубже, насыщеннее, словно кто-то невидимый выкрутил настройку цветности в моём восприятии мира на максимум. Замешательство – это слишком мягкое слово для того, что я испытывала. Мой мир, моя надёжная, предсказуемая квартира-крепость, вдруг стала чужой, декорацией к пьесе, сценарий которой я не читала.

Я сделала несколько шагов по комнате, трогая вещи – книжный корешок, край шторы, спинку стула. Всё было на месте. Всё было настоящим. Но цвета... цвета лгали.

И в эту звенящую, вязкую тишину, наполненную моим сбивчивым дыханием, ворвался звук – резкий, требовательный звонок в дверь.

Я подпрыгнула на кровати. Звонок был механический, дребезжащий, тот самый звук, который я слышала сотни раз, когда приходили с доставкой или соседка за солью. Но сейчас, в два часа ночи (или сколько там было времени в этом новом, жёлто-зелёном мире?), он прозвучал как набат. Я за-

мерла, боясь даже дышать. Может, показалось? Звонок повторился. Длинный, настойчивый.

Первым, почти рефлекторным движением, я обернулась в поисках единственного живого существа, которое всегда было моим молчаливым союзником. – Тимка, – позвала я шёпотом. – Тим, ты слышишь?

Тишина. Такая глубокая, ватная тишина, какой не бывает в квартире с котом. Тимка, мой пушистый будильник, мой мохнатый ответчик, который на любой мой зов, даже самый тихий, всегда отзывался коротким, вопросительным «Мррр?» или стуком лап по полу, сейчас молчал. Я позвала ещё раз, громче. Ничего. Только дребезжащая трель звонка прорезала воздух в третий раз.

Страх сковал меня ледяными пальцами. Но и любопытство – острое, почти болезненное – тоже давало о себе знать. Я не могла прятаться вечно. Если это безумие, оно уже поглотило меня. Если это что-то иное... нужно было узнать. Я спустила ноги с кровати. Жёлтая простыня неприятно резанула взгляд. Я на цыпочках, стараясь не издавать ни звука, прошла в коридор. Свет из кухни я оставила включённым, и теперь он падал на входную дверь, выхватывая её старую, обшарпанную поверхность.

Я прильнула к глазку. Сначала я увидела искажённый линзой коридор подъезда – тусклая лампочка, облупившаяся краска на стенах. А потом в поле зрения появилось лицо. Девушка. Она стояла близко к двери, и линза глазка делала

её черты слегка вытянутыми и гротескными. Но даже сквозь это искажение я видела, что она спокойна. У неё были светлые волосы, собранные в небрежный, чуть растрёпанный пучок на затылке, из которого выбивались тонкие пряди, обрамлявшие лицо. И внимательные, светлые глаза – серые, кажется, или голубые, в темноте было трудно разобрать. На ней была простая тёмная куртка, джинсы, кроссовки. Обычная девушка. Ничего примечательного.

Кроме одного: она не выглядела напуганной. Она не оглядывалась по сторонам, не пряталась, не дрожала от холода. Она просто стояла и ждала. И в этом ожидании было что-то пугающе-терпеливое, будто она могла стоять так вечно.

Что-то в её лице показалось мне смутно знакомым. Где-то я её видела. Не в магазине, не на работе... а где-то здесь, в орбите этого дома.

– Кто там? – спросила я, и мой голос предательски дрогнул.

– Лиза, это Инга, – раздался из-за двери спокойный, ровный голос. – Твоя соседка сверху. Извини за поздний визит. Открой, пожалуйста. Это важно.

Инга. Точно. Я выдохнула с лёгким облегчением. Я вспомнила её. Мы сталкивались пару раз в подъезде, на лестнице. Она всегда вежливо здоровалась, и я помнила её неброскую, аккуратную внешность. Но что ей нужно посреди ночи? И откуда в её голосе такая странная, непоколебимая уверенность, что я открою?

Цепочка всё ещё была накинута. Я отодвинула её дрожащими пальцами, щёлкнула замком и приоткрыла дверь. На пороге стояла Инга. Вблизи она казалась ещё обычнее – бледное, чуть уставшее лицо, никакой косметики, лёгкие тени под глазами. Простая, неприметная девушка, каких тысячи. В джинсах, в тёплом свитере, в куртке на молнии. Её лицо не выражало ни удивления, ни испуга – только спокойное, участливое понимание. Как у врача, который собирается сообщить пациенту диагноз, но делает это мягко, чтобы не травмировать.

– Привет, – тихо сказала она. – Я знаю, это всё выглядит... странно. Но ты, Лиза, должна была попасть сюда гораздо раньше. Мы тебя уже заждались.

Я уставилась на неё, чувствуя, как смысл сказанного ускользает, словно вода сквозь пальцы.

– Куда – сюда? – тупо переспросила я. – О чём вы?

Инга мягко, но очень серьёзно взглянула мне в глаза.

– Ты сейчас во временной петле, Лиза. И ты здесь не случайно. Завтра утром тебе нужно будет пойти к Боссу. Я приду за тобой и провожу. Возможно, он расскажет тебе, почему ты здесь. А сейчас я могу рассказать тебе то, что знаю сама – о том, как устроена петля. Ты меняпустишь?

Мир закружился. «Временная петля». Два слова, которые я слышала только в фантастических фильмах. Это объяснение было настолько же абсурдным, насколько и пугающим. И в то же время оно объясняло всё. И цвета, и пузырьки, и

исчезнувшего кота. Мой рациональный ум кричал, что это бред, розыгрыш, начало психоза. Но в глазах этой девушки, Инги, не было ни тени безумия или насмешки. Только спокойная констатация факта. И от этого становилось ещё страшнее.

Я молча отступила в сторону, шире открывая дверь. Жест принятия неизбежного. Инга вошла, и я закрыла за ней дверь. Мы прошли на кухню. Я ахнула. Мои шкафчики, которые когда-то были цвета слоновой кости, теперь отливали нежно-голубым. Плитка на полу, раньше серая, стала тёплого терракотового оттенка. Я оглянулась на Ингу, ища хоть какой-то якорь. Она заметила мой взгляд и коротко кивнула, словно подтверждая: «Да, это нормально. Для этого места».

Мы сели за стол, на котором всё ещё стояла тарелка с остатками салата – из моего, настоящего мира. Или мне только так казалось.

– Что это за временная петля? – спросила я, чувствуя, как комната плывёт. Мой голос звучал глухо и чужеродно.

Инга сложила руки на столе.

– Это почти то же самое, что и реальный мир, – начала она, тщательно подбирая слова. – Те же дома, те же улицы, тот же город. Но время здесь другое. Оно сдвинуто. Здесь сейчас всё так, как было в реальном мире три года назад. Только не цвета, они другие, не знаю даже от чего это зависит.

– Три года назад? – переспросила я. – Но как это возмож-

но? Это же... это же прошлое.

– Это временная петля, – повторила Инга, будто это всё объясняло. – Это не прошлое в прямом смысле. Это его слепок, его отражение. Здесь время идёт параллельно, но с постоянным смещением в три года. И ты, Лиза, – она снова посмотрела на меня пронзительно, – теперь часть этого.

– А как мне вернуться обратно? – выпалила я. – В мою реальность?

– Пока ты не увидишь Босса, пока не поговоришь с ним – не сможешь, – отрезала Инга. – Это главное правило. А так... когда тебе нужно или когда тебе разрешено вернуться, снова появятся пузырьки. Ты должна будешь коснуться их так же, как сделала это у себя дома. И всё. Переход работает в обе стороны.

Я слушала её, и в моей голове взрывались фейерверки из вопросов, сомнений и страха. Босс? Какой ещё босс? Почему я должна с ним говорить? Я не просилась ни в какую петлю! У меня работа, у меня... моя жизнь! Реальность, в которой завтра четверг, и мне нужно в офис, разгребать почту и отвечать на звонки. Я должна сидеть в своём кресле, а не в этой кислотно-разукрашенной версии моей же кухни!

– А как же моя работа? – спросила я, цепляясь за этот привычный якорь. – Мне завтра к девяти. Я не могу просто исчезнуть.

– Не беспокойся, – Инга мягко улыбнулась. – Когда ты вернёшься в реальность, время там будет ровно тем же, что

и в момент твоего ухода. Ты не пропустишь ни секунды, ни минуты. Можешь не бояться опозданий. Для твоего мира ты исчезаешь и появляешься в одно и то же мгновение.

Это прозвучало как единственная хорошая новость за весь этот безумный разговор. Но тут перед моим внутренним взором возникла серая пушистая морда.

– погоди, – я подалась вперёд. – Мой кот. Тимка. Ты сказала, его здесь нет. Где он? С ним всё в порядке? Он же...

– Его здесь нет и не будет, – повторила Инга с той же спокойной уверенностью. – Не беспокойся за него, Лиза. Он в порядке. Для него всё осталось по-прежнему. Он, если хочешь знать, даже не заметит, что ты куда-то пропала. Временной разрыв для живых существ, не проходивших через пузырьки, незаметен.

Это успокоило меня немного больше, чем уверения о работе. Тимка в порядке. Маленький пушистый эгоист даже не поймёт, что его хозяйку затянуло в какую-то временную аномалию. Я посмотрела на Ингу. Вопросы всё ещё роились в моей голове, но я почувствовала чудовищную, свинцовую усталость, которая накатила разом, как волна цунами.

– Ладно, – тихо сказала я, признавая своё временное поражение. – Завтра. Утром.

– Вот и славно, – Инга поднялась из-за стола. – Время идёт, а тебе нужно выспаться. День будет непростой. Я зайду за тобой рано утром, будь готова.

Я проводила её до двери, всё ещё двигаясь, как в тумане.

Инга вышла на лестничную клетку и, не оборачиваясь, стала подниматься по ступенькам вверх.

Я заперла дверь на все замки – на те, которые могла найти, – и прислонилась к ней спиной, чувствуя холод дерева даже сквозь толстый махровый халат. Ладонь, которой я касалась пузырьков, всё ещё покалывало, будто под кожу забились мелкие иголки.

Тишина. Я была одна. Одна в своей квартире, которая больше не была моей. С мыслями, которые жужжали, как рой потревоженных пчёл. Спать? Она сказала спать. Но разве можно уснуть после такого?

Тело требовало отдыха, но разум отказывался сдаваться. Вместо того чтобы лечь в постель, я решила пройтись по квартире. Проверить. Убедиться, что это всё ещё мой дом.

Я медленно пошла из коридора в гостиную. Вот старый книжный шкаф. Тот самый, доставшийся от бабушки. Но его дерево, раньше тёмно-орехового цвета, теперь отливало красным деревом. Я коснулась его рукой – твёрдый, настоящий. В ванной, куда я заглянула, кафель был не бледно-голубым, а глубокого, морского ультрамаринового цвета.

Каждая новая деталь, каждое новое цветовое искажение било по нервам, убеждая меня, что я не сплю. Чтобы проверить это, я даже ущипнула себя за предплечье, сильно, до красного следа. Боль была реальной. Всё было реальным.

Понимая безвыходность своего положения, чувствуя, как усталость, наконец, берёт верх над шоком, я поплелась в

спальню. Жёлтая постель всё так же кричала о своей чужеродности. Я выключила зелёный ночник, и комната погрузилась в успокоительную тьму. Только свет уличного фонаря, пробиваясь сквозь шторы, рисовал на стене бледные полосы.

Я легла на кровать, чувствуя, как проваливаюсь в мягкий матрас. В голове, как заезженная пластинка, крутились слова Инги. «Временная петля. Три года назад. Босс». Это было похоже на сюрреалистичный, лихорадочный сон, из которого я никак не могла проснуться.

Я закрыла глаза и, словно подчиняясь чьей-то невидимой, властной команде, позволила тьме поглотить меня. Завтра будет новый день. Безумный, невозможный, пугающий. Но это будет завтра. А сейчас я просто перестала сопротивляться – перестала бороться, перестала анализировать, перестала искать объяснения, – и провалилась в глубокий, чёрный сон без сновидений. Без золотых пузырьков, без голосов, без цветов. Только тишина. Только пустота. Только отдых, которого моё тело так отчаянно ждало.

Глава 3.

Город с золотым отливом

Сон был глубоким и пустым, как колодец. Никаких сновидений, никаких золотых пузырьков, никаких голосов в голове – только плотная, вязкая темнота, в которой я растворилась без остатка. А потом эту темноту разорвал звонок. Не тот, что вошёл в мою жизнь прошлой ночью, а новый – утренний, настойчивый, требовательный, ввинчивающийся

в мозг. Он ворвался в моё забытѣе безжалостно и резко, выдёргивая меня из небытия, как рыбу из воды.

Я открыла глаза. Первое, что я увидела – потолок. Мой потолок. Вроде бы. Но что-то было не так. Я заморгала, прогоняя остатки сна, и медленно обвела взглядом комнату. Стены. Обои. Они были моими – тот самый неброский рисунок, который я выбирала год назад. Но цвет... Раньше они были спокойного, пыльно-розового оттенка, почти пастельного, успокаивающего. Теперь же на меня смотрел насыщенный, глубокий фиолетовый, отдающий в аметист. Я села на кровати, и жёлтая простыня снова резанула глаз.

И тут память вернулась. Лавиной, водопадом, ударом под дых. Временная петля. Инга. Пузырьки. Босс. Всё, что случилось вчера, или когда бы то ни было, обрушилось на меня, и я на мгновение зажмурилась, пытаюсь переварить этот информационный поток.

Звонок снова зазвенел, длинно и требовательно. Инга! Она же обещала зайти рано утром.

Я спрыгнула с кровати, ноги путались в жёлтой простыне, и босиком, в мятой пижаме, побежала в коридор. Холодный пол обжигал ступни. Я прильнула к глазку, всё ещё надеясь, что это какая-то чудовищная ошибка, что за дверью окажется почтальон или соседка, перепутавшая этаж. Но в искажённом линзой круге света стояла она – Инга. Всё та же светлая, аккуратная, с собранными в пучок волосами. Я щёлкнула замком и распахнула дверь.

– Доброе утро, – произнесла Инга с лёгкой, почти извиняющейся улыбкой. Она окинула меня быстрым взглядом. – Ты ещё не готова. А нам пора выходить.

– А сейчас, подожди! – выпалила я и, не дожидаясь ответа, рванула обратно в спальню.

Я распахнула шкаф. И застыла. Моя одежда. Она была здесь – все мои свитера, блузки, джинсы, юбки. Те же фасоны, та же ткань. Но цвета... Моя любимая белая рубашка теперь была нежно-мятной. Чёрные джинсы стали тёмно-синими, цвета грозового неба. Бежевый кардиган приобрёл оттенок топлёного молока с розоватым подтоном. Это было похоже на то, как если бы кто-то взял мой гардероб и пропустил его через какой-то безумный цветовой фильтр. Шок снова накрыл меня, но времени на выбор наряда не было – Инга ждала, и её «пора выходить» звучало в ушах. Я схватила первое, что попало под руку: мятый свитер, бывший серым, а теперь – приглушённого лавандового оттенка, и те самые джинсы цвета грозы.

Одевалась я в поспехах, путаясь в рукавах, на ходу застёгивая пуговицы. Бросив взгляд на прикроватную тумбу, я заметила упаковку жвачки. Мятная, в блестящей обёртке. Не раздумывая, я схватила её и на пути в коридор закинула пластинку в рот, судорожно зажёвывая, чтобы хоть как-то снять напряжение и перебить сухость во рту. Мятный холодок обжёг нёбо, возвращая меня в чувство.

В коридоре я нагнулась к обувнице. Кроссовки. Мои удоб-

ные, разношенные кроссовки. Раньше они были приятного оливкового цвета, теперь же переливались отвратительным, неестественным оттенком лайма. Я скривилась, но выбора не было. Натянув их, я схватила с вешалки куртку – и с облегчением выдохнула. Моя любимая куртка, та, в которой я ходила каждую осень, была того самого, неизменного, ярко-красного цвета. Единственное пятно привычной реальности в этом сместившемся спектре. Я прижала её к себе на мгновение, как талисман.

– Готова, – выдохнула я, одёргивая рукава.

Я уже взялась за ручку двери, но автоматически бросила взгляд на стену справа, туда, где на маленьком крючке всегда висела связка ключей. Крючок был пуст. Накатила новая волна паники.

– Я не могу уйти, – пробормотала я, оглядываясь по сторонам. – Я потеряла ключи. Я не могу запереть дверь.

Инга лишь мягко покачала головой.

– Не беспокойся, тут они не нужны. В этом мире всё по-другому устроено. Гораздо удобнее, поверь. Ты сейчас выйдешь, захлопнешь дверь, и она сама закроется. И чужой не сможет её открыть. Только ты.

Я недоверчиво посмотрела на неё, потом на дверь.

– Давай проверим, – предложила Инга, отступая на лестничную площадку. – Выходи.

Я сделала шаг за порог, в прохладный сумрак подъезда. Сердце колотилось, но я послушно захлопнула за собой

дверь. Раздался мягкий, глухой стук. Инга подошла и решительно отодвинула меня в сторону.

– Отойди, – сказала она и дёрнула за ручку. Ручка не поддалась, дверь стояла как влитая, глухая и непроницаемая. Инга дёрнула ещё раз, для убедительности. Никакого эффекта.

– А теперь ты попробуй, – она кивнула мне.

Я подошла, всё ещё не веря. Мои пальцы сомкнулись на холодном металле. Я нажала – и дверь бесшумно, легко, словно приглашая, открылась внутрь. Я потрясённо устояла на тёмный проём своей квартиры.

– Офигеть, – выдохнула я.

– Да, – улыбнулась Инга. – Чужой никак не сможет зайти в твою квартиру, так что нечего бояться. А вообще у нас тут много таких фишек. О, и вот что, – она подняла указательный палец вверх. – Перед тем как в реальность отправиться, не забудь в холодильник заглянуть. Обязательно.

Я нахмурилась, но спорить не было сил.

– Хорошо, – кивнула я, запоминая.

Мы вышли из подъезда, и я замерла, забыв, как дышать. Дверь подъезда, раньше выкрашенная в унылый коричневый, теперь была глубокого, насыщенного зелёного цвета, как мох в дремучем лесу. Но не это заставило меня замереть. Мир. Мой старый, привычный, серый спальный район. Он весь был залит золотом. Не вульгарным, не кричащим, а мягким, струящимся отовсюду золотистым сиянием, слов-

но кто-то накрыл город гигантским куполом из тёплого, янтарного стекла. Листья на деревьях, всё ещё цепляющиеся за ветки, переливались от бронзы до червонного золота. Асфальт под ногами отдавал охрой. Даже воздух, казалось, был пронизан этой тёплой, мерцающей пылью.

– Нравится? – тихо спросила Инга, заметив моё ошеломлённое лицо.

– Это... невероятно, – прошептала я.

Мы медленно пошли по улице. Это был мой район, но в то же время – совершенно чужой. Дома стояли на своих местах, но фасады их сияли тёплыми, насыщенными цветами. Я вертела головой по сторонам, пытаюсь впитать каждую деталь.

– Как видишь, тут всё то же самое, что и в реальности, – говорила Инга, шагая рядом. – Те же улицы, те же дома. Только тут столько крутых фишек, что ты быстро привыкнешь.

– Каких, например? – спросила я, провожая взглядом прохожего, который шагал по другой стороне улицы с какой-то странной, светящейся коробкой в руках.

– Кино, бутики, кофейни, – Инга принялась загибать пальцы. – Всё бесплатное. Почти.

– Почти? – я насторожилась.

– Да. Нужно выполнять поручения от Босса. Это как наша внутренняя валюта. Сделал дело – получаешь доступ к благам. Но учти, – Инга остановилась и серьёзно посмотрела на меня, – он за этим следит. Его не обмануть. Он всегда знает,

кто выполнил поручение, а кто попытался схитрить.

– А что за поручения? – спросила я, и мой голос прозвучал напряжённо. Воображение рисовало картины опасных, шпионских миссий.

– Да всё что угодно, – Инга махнула рукой. – Любой ручной труд: помочь разгрузить что-то на складе, убрать листья в парке, подшить документы в архиве. Ничего опасного. Но есть и особые задания – те, ради которых ты здесь. Ради которых тебя сюда привели.

– И Босс проверяет их выполнение? Как?

Инга пожала плечами.

– Не знаю как, это не моя тайна. Но как только ты выполнила поручение – он уже в курсе. Сразу же. Будто у него есть невидимые глаза повсюду.

Я кивнула, пытаюсь переварить услышанное. Мы как раз проходили через парк, тот самый, где я иногда гуляла в реальном мире. Сейчас он был похож на иллюстрацию к сказке – деревья стояли в золотых уборах, и даже лужи на асфальте блестели расплавленным солнцем. Вдалеке я заметила несколько человек – они шли целеустремлённо, кто-то нёс какие-то коробки, кто-то просто прогуливался. Видимо, выполняли поручения, подумала я. Или шли за бесплатным кофе. От этой мысли в животе странно потеплело.

Наконец, миновав парк, мы остановились у здания. Оно было современным, с большими тонированными окнами, которые отражали золотой свет улицы. Над входом висела

аккуратная, но странная вывеска с одним единственным словом: «Пузырь». Буквы были объёмными и, казалось, слегка светились изнутри.

– Вот и пришли, – объявила Инга, и в её голосе послышалась усмешка. – Да, название странное, я всегда смеюсь с него.

– Да уж, – пробормотала я, вглядываясь в вывеску. – Странное.

– Ладно, – Инга легонько подтолкнула меня к двери. – Босс уже ждёт. Ты заходи, а я подожду у входа.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как сердце снова начинает свой безумный бег, и толкнула тяжёлую стеклянную дверь. Я вошла внутрь и оказалась в просторном холле, который поражал своим великолепием. Стены были увешаны огромными зеркалами в тяжёлых, резных рамах, и я увидела в них своё отражение – растерянную девушку с растрёпанными тёмными волосами, в лавандовом свитере и нелепых лаймовых кроссовках. Мои карие глаза казались огромными, а скулы – ещё острее от напряжения. В центре холла начиналась широкая, мраморная лестница, уходящая наверх – точь-в-точь как в старом театре, и каждая ступенька её была устлана ковровой дорожкой глубокого, винного цвета.

И у подножия этой лестницы, заложив руки за спину, стоял мужчина. Лет сорока, с аккуратно зачёсанными назад тёмными волосами, в которых уже проглядывала благородная седина на висках. Он был одет в безупречный, идеально

сидящий костюм глубокого бордового цвета, который придавал ему сходство с каким-то высокопоставленным дипломатом или кардиналом из исторического фильма. Его лицо было спокойным и внимательным.

– Приветствую тебя, Лиза! – произнёс он, и его голос, глубокий и обволакивающий, эхом разнёсся по холлу.

Я замерла на месте. В моей голове вспыхнула только одна мысль: «Откуда он знает моё имя?». Я уверена, что ни Инга, ни я сама его не называли.

И тут он улыбнулся – лёгкой, понимающей улыбкой, от которой у меня по спине побежали мурашки.

– Я всё знаю, – сказал он, словно прочитав мои мысли. – Присаживаться не будем, разговор короткий. Тебе уже рассказали всё о временной петле. Может, ещё остались вопросы?

Я открыла рот, но не смогла выдавить ни звука. В горле пересохло, мысли разбежались, как испуганные мыши. Я стояла в ступоре, глядя в его спокойные, пронизательные глаза.

– По делу сообразишь, – мягко продолжил он, не дождавшись ответа. – Ты умная, не зря ты здесь. Уж я в этом разбираюсь.

Я сглотнула и, наконец, обрела дар речи:

– Какое будет поручение?

Босс одобрительно кивнул, словно оценив мой деловой настрой.

– Сегодня – твой первый день нахождения здесь. Он озна-

комительный, так что поручения не будет. Можешь выдохнуть. Сегодня же вечером вернёшься обратно, в свою реальность. А как будешь нужна снова – появятся пузырьки, и сразу же направляйся ко мне, и не важно, какое время суток тут будет. Это понятно?

– Да, – выдохнула я, чувствуя невероятное облегчение.

– Отлично, – Босс перевёл взгляд куда-то за мою спину.

– Инга, зайди, пожалуйста.

Дверь за моей спиной открылась, и вошла Инга. Босс кивнул ей, и между ними состоялся короткий, молчаливый обмен взглядами.

– Подожди меня у входа, – бросила мне Инга, проходя мимо.

Я кивнула и вышла обратно на улицу. Золотой свет снова обнял меня, и я глубоко вздохнула, пытаюсь привести мысли в порядок. Я медленно прошла по тротуару, рассматривая людей вдалеке. Они двигались – кто-то быстро, кто-то неторопливо. Каждый, казалось, знал, куда идёт и зачем. Я мысленно гадала: выполняют поручение? Или просто идут за бесплатным кофе в одну из тех самых кофеен, о которых говорила Инга? Перспектива всего этого – бесплатного кино, уютных кафе – начинала казаться не пугающей, а какой-то... заманчивой.

Дверь здания «Пузыря» открылась, и вышла Инга. Вид у неё был слегка виноватый.

– Осмотрелась? – спросила она, подходя. – Слушай, я те-

бя не провожу, извини. Срочное поручение, только что от Босса получила. Дорогу до дома найдёшь? Тут недалеко, всё по прямой.

– Да, конечно, – заверила я, хотя внутри была лёгкая растерянность.

– Ну тогда отлично, – Инга уже сделала шаг в сторону, но обернулась. – Только ты не забудь заглянуть в холодильник, хорошо? А то придёшь домой и сразу пузырьки появятся. Не упусти момент.

– Хорошо, – пообещала я.

Инга махнула мне рукой и быстрым шагом удалилась куда-то в сторону парка. Я осталась одна посреди золотого города. Я медленно побрела домой, переваривая всё, что случилось. Всё, что я видела своими глазами. Зеркальный холл. Мужчина в бордовом, который знал мои мысли. Бесплатные кофейни. Поручения, которые нужно выполнять. Мой собственный подъезд, который не пускает чужих. Это было слишком. Но, шагая по золотистому асфальту, мимо домов, сияющих тёплыми красками, я чувствовала, как страх постепенно уступает место чему-то новому – жгучему, острому любопытству.

Я поднялась на свой этаж, подошла к двери и легко, одним движением, открыла её. Вошла, скинула красную куртку, повесила на крючок. В квартире было тихо и пусто. Никакого Тимки. Я прошла на кухню. Холодильник. Надо за-

глянуть в холодильник.

Я взялась за ручку и потянула на себя. Дверца открылась, и я ахнула. Полки ломились от еды. Свежие овощи, фрукты, сыры, упаковки с чем-то аппетитным. Всё разложено аккуратно, как в дорогом супермаркете. И прямо на средней полке, на самом виду, стоял он – мой любимый «Даниссимо». Вишнёвый. Я, не думая, схватила его – и в ту же секунду на пустом месте, словно из воздуха, материализовалась новая баночка. Такая же. Я замерла с йогуртом в руке, глядя на это маленькое чудо. Оно было таким простым, таким бытовым и в то же время невероятным. Я почувствовала, как губы сами собой расплываются в улыбке. Я начинала влюбляться в этот мир.

И тут позади меня раздался знакомый, едва уловимый шорох. Я обернулась. В воздухе коридора, переливаясь, плыли золотые пузырьки. Они уже ждали меня. Я сжала в руке холодную баночку йогурта – мой трофей, моё доказательство того, что это всё было реальным, – и шагнула к ним. Протянула руку.

Щелчок.

Тихий, сухой, внутренний.

И в тот же миг цвета снова изменились. Золотистая дымка исчезла, и коридор снова стал тем, чем был всегда – тускло освещённым, с бледно-серыми стенами и старым паркетом. Я стояла в своём родном, привычном мире. И в ту же секунду из-за моей спины раздалось громкое, требовательное, до

боли знакомое:

– Мяу!

Я с облегчением, которое было сильнее любого наркотика, обернулась. В проёме кухонной двери сидел Тимка. Его янтарные глаза светились в полутьме, хвост нервно подрагивал, а на морде читалось глубочайшее негодование по поводу моего долгого отсутствия. Я рванулась к нему, готовая схватить, затискать, но вдруг осознала – руки пусты. Никакого йогурта. Я посмотрела на свои ладони, потом в коридор. Пусто. Ничего из того мира нельзя было пронести сюда. Лёгкая грусть кольнула сердце, но она тут же утонула в волне радости. Я нагнулась, подхватила тёплого, пушистого, недовольно урчащего Тимку на руки и уткнулась носом в его мягкую шерсть. Он пах домом. Настоящим домом.

Я прошла в спальню, всё ещё прижимая к себе кота, который уже начал вырываться, и бросила взгляд на телефон. Экран загорелся, высвечивая время. Два часа ночи. Два часа ночи того же самого дня, из которого я ушла. Инга не соврала.

Я рухнула на кровать, чувствуя, как тело наливается свинцом. Тимка спрыгнул и устроился в ногах, свернувшись калачиком. Я смотрела в тёмный потолок, и в моей голове крутились обрывки этого безумного дня: лавандовый свитер, золотой свет парка, бордовый костюм Босса, бесконечные баночки йогурта. Всё это было невозможным, невероятным, пугающим. И всё же, закрывая глаза и проваливаясь в сон, я

чувствовала в груди странное, тёплое предвкушение. Я знала, что пузырьки появятся снова. И я знала, что пойду за ними.

Глава 4. Возвращение в серость

Будильник заорал с безжалостностью, на которую способны только дешёвые китайские телефоны и армейские горны. Этот звук врезался в мой сон, как бритва, разрезая тишину на куски, и я, ещё не успев ничего осознать, уже шарилла дрожащей рукой по прикроватной тумбе, пытаюсь нащупать проклятый источник этого кошмара. Наконец пальцы наткнулись на холодный пластик, и я с силой ткнула в экран. Тишина. Благословенная, спасительная тишина, в которой ещё секунду звенели остатки этого мерзкого металлического трезвона.

Я распахнула глаза и уставилась в потолок.

Белый, с лёгкой желтизной у краёв, которую я замечала только по утрам, когда солнце падало под определённым углом. Без трещин, без золотых разводов, без намёка на волшебство. Обычный потолок обычной квартиры в обычном спальном районе.

Пыльно-розовые обои. Такие привычные, что я перестала их замечать ещё года два назад. Бежевое постельное бельё. Моя подушка, моё одеяло, мой запах – лавандовый гель для душа и что-то ещё, домашнее, уютное, ни с чем не сравнимое. Никакого золотого сияния, никаких лавандовых свитеров, никаких фиолетовых стен и изумрудных оттенков. Всё на своих местах. Всё настоящее. Всё моё.

Несколько секунд я просто лежала, привыкая к реальности. Реальность – странное слово. Раньше оно означало только одно – вот это всё, что меня окружало. Эти стены, этот потолок, этот город за окном, эта работа, этот кот, эта жизнь – скучная, предсказуемая, но такая понятная. А теперь реальностей стало две, и какая из них более настоящая, я пока не решила.

В голове всё ещё крутились обрывки вчерашнего – или не вчерашнего? – сумасшествия. Воспоминания накладывались друг на друга, как разноцветные стёкла в калейдоскопе: бордовый костюм Босса, идеально сидящий на его широких плечах; спокойное, почти отстранённое лицо Инги, когда она говорила о временной петле как о чём-то само собой разумеющемся; золотой свет, заливающий парк, в котором листья переливались от бронзы до червонного золота; бесконечные баночки «Даниссимо» в холодильнике, который сам себя наполнял, словно по волшебству.

И главное – обещание. Тихий голос где-то на границе сна и яви: пузырьки появятся снова. Когда – неизвестно. Но они придут. И я пойду за ними. Я уже знала это так же твёрдо, как знала, что завтра наступит утро.

Но сейчас меня отвлекло от размышлений нечто более насущное и гораздо более земное. Громкое, настойчивое, требовательное «Мя-а-ау!» раздалось откуда-то с уровня пола, и в этом звуке было столько кошачьего высокомерия и нетерпения, что я невольно улыбнулась. Я приподнялась на локте.

Тимка сидел у кровати, обернув хвост вокруг лап, и смотрел на меня с тем самым выражением, в котором безошибочно читалось: «Ты спишь, а я умираю. Умираю от голода. Прямо здесь. На твоих глазах».

– Доброе утро, пушистый шантажист, – пробормотала я, свешивая ноги с кровати.

Тимка, поняв, что его послание достигло адресата, рванул в сторону кухни, громко цокая когтями по паркету. Я натянула халат и поплелась за ним, чувствуя, как утренняя прохлада пробирается под ткань. На кухне всё было привычно и обыденно – серые шкафчики, старая плита, моя любимая кружка с трещинкой на боку. Я засыпала корм в миску, и Тимка с урчанием набросился на завтрак, забыв о моём существовании в ту же секунду, как только зубы коснулись первого кусочка. Его хвост удовлетворённо подрагивал, а уши были развёрнуты в стороны – верный признак того, что он полностью поглощён процессом и не намерен отвлекаться на посторонние раздражители вроде меня.

Я смотрела на него, и в груди защемило от странной, иррациональной нежности, смешанной с грустью. Вот бы можно было взять его с собой. Посадить в сумку, принести в офис, пусть бы сидел под столом и иногда выглядывал, чтобы потребовать вкусняшку. Но нет, работа – это мир людей, мир галстуков, дедлайнов и офисной вежливости, за которой часто ничего не стоит. Мир, в котором нет места котам, золотым пузырькам и временным петлям. Только таблицы в

Excel, отчёты и совещания, на которых все делают вид, что им не всё равно.

– Ладно, Тим, охраняй квартиру, – сказала я, и кот на секунду поднял голову, словно действительно понял, что я сказала.

Я быстро собралась. Душ, лёгкий макияж, чтобы хоть немного скрыть следы усталости после безумной ночи. Белая рубашка – настоящая белая, не мятная и не лавандовая, – строгие чёрные брюки, аккуратные туфли на небольшом каблучке. Я поймала своё отражение в зеркале: брюнетка с карими глазами, которые сегодня казались особенно тёмными – то ли от недосыпа, то ли от увиденного. Острые, чётко очерченные скулы, которые Соня называла «скулами модели», но которые я сама находила слишком резкими, почти хищными. И этот нелепый вздёрнутый курносый нос, который в детстве я ненавидела, потом привыкла, а теперь иногда даже находила милым. Выглядела я сносно. Почти как человек, который не путешествовал между реальностями несколько часов назад. Почти как обычная офисная сотрудница, у которой впереди обычный рабочий день.

Мысли о предстоящем дне крутились в голове. Четверг. Обычный рабочий четверг. Отчёты, письма, совещание в одиннадцать. И ещё – Артём. Я поймала себя на том, что, нанося тушь, думаю о том, увижу ли я его сегодня у кофемашины.

Я вышла из подъезда в серый, морозящий октябрьский

день. Дождь не шёл, но воздух был наполнен мелкой водяной взвесью, которая оседала на волосах и ресницах. Я шла по знакомому маршруту – мимо тех же пятиэтажек, что вчера сияли золотом, а теперь стояли унылые, облупленные, с потёками на фасадах. Мимо парка, где листья не переливались охрой и бронзой, а просто мокли на асфальте, превращаясь в скользкую кашу. Контраст был настолько разительным, что я даже остановилась на мгновение, чтобы осмотреться. Этот мир был моим. Я родилась в нём, выросла, училась, работала. Я знала все его трещины и шероховатости. Но золотой – он тоже был моим. И этот второй теперь казался мне каким-то... блёклым. Выцветшим. Как старая фотография, на которой краски потускнели от времени и солнца. И это было странное, тревожное чувство – будто я изменилась, а мир вокруг остался прежним. Или наоборот.

Офис встретил меня привычным гулом кондиционеров, запахом бумаги и перегретого пластика от принтеров. Этот запах всегда казался мне запахом суеты и бесконечной, никому не нужной спешки. Он был залит холодным, безжалостным светом люминесцентных ламп, от которого любой цвет лица становился больничным.

Я прошла к своему столу, лавируя между рядами, попутно здороваясь с коллегами – кивок тут, улыбка там. Всё как обычно. Рутинная затынула меня почти мгновенно: я включила компьютер, открыла почту, и водопад писем, отчётов и поручений обрушился на меня, заставляя забыть обо всём на све-

те. О золотом городе, о Боссе, о пузырьках – даже о Тимке. Только работа, только бесконечные строчки и цифры, только эти вечно горящие сроки, которые поджимают, давят, заставляют торопиться, даже когда торопиться некуда.

Я как раз дописывала ответ на какое-то особо нудное письмо от партнёров, которые никак не могли понять, что им нужно прислать счёт-фактуру, а не акт выполненных работ. Мои пальцы устали от печати, глаза слезились от напряжения, шея затекла. Я подняла голову, чтобы размять затёкшие мышцы, повертела головой вправо-влево, чувствуя, как хрустят позвонки.

И увидела его. Артём. Он стоял у стола в другом конце офиса, что-то обсуждал с руководителем его отдела. Высокий, даже слегка сутулый, с той особенной небрежной элегантностью, которая бывает у людей, которые не задумываются о том, как выглядят, но при этом выглядят всегда хорошо. Лёгкая небритость, которая делала его старше и серьезнее. Тёмно-синий свитер, облегающий широкие плечи и сужающийся к талии, который ему безумно шёл. Он кивал, слушая начальника, иногда вставлял короткие реплики, иногда улыбался каким-то своим мыслям. А потом вдруг – о чудо! – повернул голову и посмотрел прямо на меня. Наши взгляды встретились буквально на секунду, и он уголком губ обозначил что-то вроде улыбки. Или мне показалось. Я уже не знала, чему верить.

Сердце сделало кульбит. Резкий, болезненный, глупый

кульбит, от которого перехватило горло. Я тут же уткнулась в монитор, чувствуя, как предательски краснеют щёки.

Глупо. Мне двадцать пять, а я краснею, как школьница на первом свидании, от того, что симпатичный коллега мельком посмотрел в мою сторону. Я сделала вид, что поглощена работой – вцепилась в мышку, уставилась в экран, делая вид, что читаю давно закрытое письмо, – но на самом деле украдкой следила за ним. Как он отошёл от начальника, как поправил воротник свитера, как сунул руки в карманы брюк и направился в сторону кухни. Кофемашина. Мой шанс.

Я подождала ровно минуту, чтобы это не выглядело слишком очевидным, потом взяла свою кружку – ту самую, с трещинкой, которую я на работе прятала в ящике стола, – и неспешно направилась туда же. На кухне гудела кофемашина, пахло свежемолотым кофе и чьим-то подогретым обедом. Артём стоял у аппарата и смотрел в телефон. Я набрала воздуха в грудь.

– Привет, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо.

Он поднял глаза, и на его лице мелькнула вежливая, но какая-то отстранённая улыбка.

– А, Лиз, привет, – кивнул он. – Как дела?

– Нормально, – ответила я, ставя кружку под кофемашину. – Четверг, сам знаешь. Ещё немного, и пятница.

– Ага, – коротко ответил он и снова уткнулся в телефон.

Я ждала, пока наберётся кофе, и мучительно придумыва-

ла, что бы ещё сказать. Спросить про его проект? Пошутить про погоду? Но пока я собиралась с мыслями, он, так и не подняв глаз, пробормотал: «Ладно, бывай», – и вышел с кухни, оставив меня одну с кружкой горячего американо и чувством глухого разочарования в груди.

Я вернулась за свой стол. Кофе был горьким и невкусным, но я пила его медленно, глядя в экран и убеждая себя, что это всё ерунда. Он просто занят. У него много работы. Он не обязан со мной болтать. Но осадочек остался. Тот самый осадочек, который всегда остаётся, когда надеешься на чуть большее, а получаешь вежливое «бывай».

Остаток дня прошёл в серой, монотонной рутине. Я доделала отчёты, ответила на письма, пережила совещание, на котором Артём даже не взглянул в мою сторону. К шести часам вечера я чувствовала себя выжатой, как лимон, – не столько от работы, сколько от этого внутреннего напряжения, от постоянных мыслей о том, что я сделала не так.

Дорога домой была зеркальным отражением дороги на работу. Те же серые пятиэтажки, тот же морозящий дождь, та же водяная взвесь в воздухе. Я шла, засунув руки в карманы пальто, и думала о том, что золотой мир, при всех его странностях, был как-то... добрее. Ярче. Там даже воздух, казалось, был наполнен обещанием чего-то чудесного. А здесь – только сырость, усталость и безответные симпатии.

Дома меня, как всегда, встретил Тимка. Он выбежал в коридор, едва услышав звук ключа в замке, и принялся тереть-

ся о мои ноги, оставляя серую шерсть на чёрных брюках. Я нагнулась, чтобы его погладить, и он ответил громким, утробным урчанием. Хоть кто-то был мне рад безоговорочно.

Я переоделась в уютные домашние штаны и футболку, накормила Тимку, а потом принялась готовить себе лёгкий ужин. Ничего особенного – омлет с помидорами и зеленью, тост с авокадо. Я стояла у плиты, помешивая яичную смесь на сковороде, и тут мой телефон пиликнул.

Это была Соня. Моя подруга ещё с института, которая переехала в другой город, но мы до сих пор поддерживали связь. Она была моей отдушиной, моим личным психологом и советчиком по всем сердечным вопросам – тем человеком, который мог в двух словах объяснить, что я дура, но так, что после этого я чувствовала себя не обиженной, а понятой. Я вытерла руки полотенцем и открыла чат.

Соня: Ну чё, как день прошёл?

Я вздохнула, набирая ответ.

Лиза: Да никак. Устала как собака.

Соня: Это ясно. А с Артёмом чего?

Я помедлила, глядя на экран. Соня всегда знала, о ком я думаю. Я поджала губы и начала печатать.

Лиза: Он сегодня даже не поздоровался толком. Вернее, поздоровался, но так... сквозь зубы. Я специально пошла на кухню, когда он там был. Ничего. «Привет, как дела» – и всё. Даже не посмотрел.

Лиза: Может, я ему не нравлюсь? Может, я просто себя накручиваю, а ему вообще всё равно?

Три точки на экране замигали почти мгновенно. Соня никогда не заставляла ждать.

Соня: Слушай, я тебе сто раз говорила и сто первый скажу.

Соня: Выкинь его из головы. Он слепой. Реально. Если мужик не видит, какая ты клеевая, – это его проблемы, не твои.

Я улыбнулась. От Сони всегда исходила эта безапелляционная, уверенная энергия, которая немного помогала. Хотя бы на время.

Соня: Ты красивая, умная, с твоими скулами вообще в модели идти надо, а не за каким-то офисным хмырем сохнуть. Всё, закругляем эту пластинку. Лучше скажи, что у тебя нового?

Я на секунду замерла. Нового? У меня было нового. Золотые пузырьки в коридоре. Временная петля. Девушка по имени Инга. Босс в бордовом костюме, который читает мысли. Но я не могла ей этого рассказать. По крайней мере, не сейчас. Не в сообщении. Она решит, что я сошла с ума.

Лиза: Да ничего особенного. Работа, дом, Тимка. Всё как всегда.)

Соня: Скучная ты. Ладно, я убежала, у меня там сериал недосмотренный. Обнимаю!

Лиза: Обнимаю в ответ!

Я отложила телефон и вернулась к омлету. Он уже чуть подгорел, но есть всё равно хотелось. Я переложила его на

тарелку, добавила помидор черри, несколько листиков базилика и села за стол. Тимка тут же устроился на соседнем стуле и делал вид, что мой ужин его совершенно не интересует – хотя его ноздри предательски подрагивали, вдыхая аромат яиц и помидоров.

Я поужинала в тишине. В квартире было слышно только тиканье настенных часов – тех самых, которые когда-то подарила бабушка, – да редкие капли дождя, стучащие по подоконнику. За окном уже стемнело, фонари зажглись, отбрасывая на потолок жёлтые разводы света. Обычный вечер. Обычная тишина.

После ужина я помыла посуду, проверила, заперта ли дверь, и направилась в спальню. За окном всё так же моросил дождь, капли стучали по подоконнику – монотонный, убаюкивающий звук. Я забралась под одеяло, и Тимка тут же запрыгнул следом, устраиваясь у меня в ногах тёплым, урчащим комочком.

Я лежала в темноте, глядя в потолок, и мысли снова возвращались к нему. К Артёму. К его «привет, как дела», брошенному в пространство. К его глазам, которые даже не задержались на мне. Это было глупо – столько переживать из-за человека, который, возможно, даже не помнит, как меня зовут. Но сердцу не прикажешь.

А потом мысли перетекли к другому. К золотому. К пузырькам, которые кружились в коридоре, переливаясь в темноте. К временной петле, которая открылась передо мной,

как дверь в другую жизнь. Инга сказала, что Босс позовёт меня снова. Что мне не нужно ничего делать – просто ждать. Ждать и быть готовой. Интересно, когда это случится? Завтра? Через неделю? Через месяц? Прямо сейчас, пока я лежу в темноте и пялюсь в потолок? И что за поручения он будет мне давать? Что-то опасное? Что-то, что потребует от меня смелости, которой у меня нет? Или что-то простое – вроде «подшить документы в архиве», как в прошлый раз?

Я поймала себя на том, что почти желаю, чтобы пузырьки появились снова. Прямо сейчас. Здесь, в спальне. Чтобы я могла встать, одеться, коснуться их и снова оказаться там – в тепле, в свете, в мире, где нет серых стен и холодных коллег, а есть только золото и обещание чуда.

Но пузырьки не появлялись. В комнате было тихо и темно. Только Тимка тихо посапывал в ногах, только дождь барабанил по стеклу, только часы тикали где-то на кухне – вечный, неумолимый отсчёт времени.

С этими мыслями – наполовину тревожными, наполовину любопытными, как у ребёнка, который впервые смотрит под кровать и боится, но и надеется что-то там увидеть, – я закрыла глаза. Тимка перебрался чуть выше, прижался к моим коленям, и я почувствовала, как его ровное дыхание успокаивает меня, как тёплая волна, накрывающая с головой.

Я провалилась в сон. Обычный, глубокий, без сновидений. Без золотых пузырьков, без таинственных голосов, без цветных снов. Только чёрная, глубокая, успокаивающая пу-

стота, в которой не было ни страхов, ни надежд – только отдых, которого моё тело так ждало.

Это был просто день. Обычный день в моей обычной жизни. Но где-то глубоко внутри, под слоем усталости и разочарования, зрело странное, волнующее предвкушение. Я знала, что этот день – не навсегда. Я знала, что скоро всё изменится. Снова.

Глава 5. Оттенки дня

Утро началось без будильника. Выходной. Сладкое, тягучее слово, которое я заслужила после четырех дней офисной рутины. Я проснулась сама, просто потому что выспалась, и несколько минут просто лежала, глядя в потолок и ни о чём не думая. За окном всё так же моросил октябрьский дождь – казалось, он не прекращался уже целую вечность. Капли лениво стекали по стеклу, рисуя извилистые дорожки, а в комнате было тепло и уютно. Тимка, почувствовав, что я проснулась, тут же перебрался с моих ног на подушку и уткнулся мокрым носом мне в щёку.

– Доброе утро, мохнатое чудовище, – пробормотала я, почёсывая его за ухом.

День обещал быть ничем не примечательным. Таким, знаете, серым и плоским, как картонка. Я механически выполняла утренние ритуалы: умылась, почистила зубы, заварила кофе, сделала тост с маслом. Всё на автопилоте. Мысли мои были где-то далеко – точнее, сразу в двух далёких местах. Одна часть меня всё ещё переваривала холодность Артёма, его вежливое «бывай», его равнодушный взгляд, скользнувший мимо. Другая часть – та, которую я старалась не беспокоить без нужды, – ждала золотых пузырьков. Ждала, когда меня снова позовут туда, в мир с золотым отливом, где всё было ярче, насыщеннее и как-то... правильнее.

Я сидела на кухне, обхватив кружку обеими ладонями, и смотрела в одну точку. Кофе остывал. Тимка, умывшись после завтрака, устроился на подоконнике и провожал взглядом редких прохожих. Тишина в квартире была почти осязаемой, и в этой тишине мои мысли звучали особенно громко.

Выходной. Целый день впереди. И что мне с ним делать? Можно было бы устроить генеральную уборку – квартира этого давно просила. Можно было бы почитать книгу, которую я начала месяц назад и забросила на двадцатой странице. Можно было бы просто лежать и смотреть сериалы. Но все эти варианты казались мне какими-то пресными, лишёнными вкуса.

Я взяла телефон и машинально пролистала социальные сети. Фотографии знакомых, чьи-то отпуска, чьи-то новые стрижки, чьи-то идеальные завтраки. Всё это было каким-то ненастоящим, прилизанным. Я уже собиралась отложить телефон, когда он вдруг завибрировал у меня в руке. На экране высветилось имя: «Соня».

– Алло? – я поднесла трубку к уху.

– Привет, соня! – раздался её бодрый, жизнерадостный голос. – Ты чего с таким голосом, будто у тебя там похороны?

– Привет, – я невольно улыбнулась. – Нет, просто задумалась. Выходной, сама понимаешь.

– Вот именно! – воскликнула Соня. – Выходной! А ты там киснешь в четырёх стенах со своим котом. Давай встретимся сегодня вечером? Я соскучилась. Посидим в кофейне, по-

болтаем.

Я на секунду задумалась. С одной стороны, мне хотелось просто остаться дома, закутаться в плед и никуда не выходить. С другой – я знала, что Соня права. Мне нужно было развеяться, вытащить себя из этой вязкой трясины мыслей.

– Давай, – согласилась я. – В «Мятном лососе» в семь?

– Отлично! – обрадовалась Соня. – Только не опаздывай!

И не вздумай надеть что-то серое и унылое, я тебя знаю!

Она отключилась, а я осталась сидеть с телефоном в руке и лёгкой улыбкой на губах. Соня умела заряжать энергией даже на расстоянии. Я уже представляла, как мы будем сидеть в уютной кофейне, пить капучино с корицей и болтать обо всём на свете.

Но сначала нужно было решить насущную проблему. Я бросила взгляд на Тимку, который как раз в этот момент прыгнул с подоконника, подошёл к своей миске и красно-речиво заглянул в неё. Пусто. Потом он поднял на меня свои янтарные глаза, и в них читался немой укор. Я заглянула в шкафчик под раковиной, где хранился корм. Пустая пачка. Вот чёрт.

– Ладно, Тим, – вздохнула я, – придётся твоей хозяйке выбираться в магазин.

К обеду я, наконец, собралась с духом и вышла из дома. Дождь на улице превратился в мелкую, почти невидимую морось, которая оседала на волосах серебристой пылью. Я шла по знакомому маршруту к тому самому «семейному»

магазинчику у дома, и в голове у меня крутились обрывки мыслей – что приготовить на ужин, что надеть вечером, нужно ли купить ещё что-то, кроме корма.

Толкнув пластиковую дверь, я вошла в магазин. Тот же резкий электрический свет, тот же смешанный запах выпечки и бытовой химии. Я взяла корзину и двинулась вдоль полок. Корм для Тимки – в первую очередь. Хлеб. Молоко. Может, ещё что-нибудь к чаю.

Я как раз стояла у полки с чаем и раздумывала над выбором между чёрным с бергамотом и зелёным с жасмином, когда краем глаза заметила движение за кассой. Тот самый кассир. Парень, который улыбнулся мне в прошлый раз. Я замерла с двумя пачками чая в руках и, сама не зная почему, стала за ним наблюдать.

Обычно я не разглядываю людей. Ну, то есть я смотрю, конечно, но не всматриваюсь. А тут вдруг поймала себя на том, что изучаю его. У него были серо-зелёные глаза – такого странного, сложного оттенка, как морская вода в пасмурный день. Светлые, чуть взъерошенные волосы. На шее, чуть ниже уха, темнела маленькая родинка, которую я раньше не замечала. Сейчас он не сидел за кассой, а стоял рядом, раскладывая какие-то коробки, и рукава его форменной рубашки были закатаны до локтей, открывая сильные, жилистые предплечья.

Я поймала себя на том, что пялюсь, и тут же уткнулась взглядом в пачки чая. Щёки предательски порозовели. В

конце концов, я схватила обе пачки – и с бергамотом, и с жасмином, – и направилась к кассе.

Он, заметив меня, тут же занял своё место за кассовым аппаратом. Я выложила продукты на ленту: корм, хлеб, молоко, чай. И тут он поднял на меня глаза и улыбнулся – той самой открытой, располагающей улыбкой.

– Ваш любимый йогурт? – спросил он, кивая на ленту с покупками. – «Даниссимо», вишнёвый, да? Сегодня свежий завоз, утром привезли. Будете брать?

Я замерла. Он запомнил. Он запомнил, какой йогурт я покупала в прошлый раз. Я не знала, что меня поразило больше – сам факт или то, как буднично и естественно он это сказал, словно помнить предпочтения покупателей было для него обычным делом.

– Да, – выпалила я, чувствуя, что краснею. – Да, спасибо. Возьму.

Он кивнул и, не дожидаясь, пока я сама схожу за йогуртом, легко поднялся и принёс баночку с охлаждённой полки. Поставил на ленту рядом с остальными покупками.

Писк – корм. Писк – хлеб. Писк – молоко. Писк – чай. Писк – йогурт. Звук сканера, такой знакомый и механический, сегодня звучал как-то иначе. Теплее, что ли.

– С вас триста восемьдесят рублей, – сказал он всё с той же лёгкой улыбкой.

Я расплатилась, стараясь не встречаться с ним взглядом, потому что чувствовала, что мои щёки всё ещё пылают. Он

протянул мне чек, и наши пальцы на секунду соприкоснулись. Я пробормотала «спасибо» и, подхватив пакет, почти выбежала из магазина.

На улице я остановилась, глубоко вдыхая влажный осенний воздух. Сердце колотилось быстрее обычного, и я не могла понять, что это такое. Это же просто кассир. Просто вежливый кассир, который запомнил, что я покупаю. Ничего особенного. Но на душе вдруг стало тепло. Впервые за весь этот серый, унылый день – тепло. Я поймала себя на том, что улыбаюсь, сама не зная чему, и пошла домой, прижимая к груди пакет с продуктами.

Дома меня, как всегда, встретил Тимка. Он, услышав шорох пакета, тут же прибежал на кухню и принялся нарезать круги вокруг моих ног, задрав хвост трубой. Я первым делом открыла пачку с кормом и наполнила его миску. Тимка, издав короткое благодарственное «Мррр», набросился на еду с таким энтузиазмом, будто его не кормили неделю.

Я разобрала покупки, убрала молоко и йогурт в холодильник, поставила чайник. За окном всё так же моросил дождь, но теперь он не казался мне унылым. Он был уютным. Я заварила чай – зелёный с жасмином, – села за кухонный стол и принялась думать о предстоящем вечере.

Встреча с Соней. Кофейня «Мятный лосось». Нужно было решить, что надеть. Не серое и унылое – так сказала Соня, и она была права. Я прошла в спальню, открыла шкаф и принялась перебирать вещи. Свитер? Слишком тепло, в ка-

фе обычно жарко. Блузка? Скучно. Взгляд упал на тёмно-синее платье – простое, но элегантное, которое я купила ещё весной и ни разу не надевала. Оно висело в глубине шкафа, забытое и ненужное, и теперь как будто ждало своего часа. Я достала его, приложила к себе и посмотрела в зеркало. Синий оттенял мои тёмные волосы, делал глаза глубже, а скулы – выразительнее. То, что надо.

К семи часам я была готова. Платье сидело идеально, волосы я оставила распущенными, лишь слегка подкрутив концы. Легкий макияж – тушь, капелька румян, блеск для губ. Я бросила взгляд в зеркало и осталась довольна. Почти.

Тимка проводил меня до двери с таким видом, будто я предавала его, оставляя одного на целый вечер. Я чмокнула его в макушку, пообещала скоро вернуться и вышла из квартиры.

«Мятный лосось» был маленькой уютной кофейней в пятнадцати минутах ходьбы от моего дома. Я любила это место за тёплый, приглушённый свет, за мягкие диванчики с подушками, за запах свежемолотого кофе и корицы, который окутывал тебя прямо с порога. Когда я вошла, Соня уже была там. Она сидела за нашим любимым столиком у окна и энергично махала мне рукой.

– Ну наконец-то! – воскликнула она, когда я подошла. – Я уже думала, ты опоздаешь. О, какое платье! Синее! Не серое! Я тобой горжусь!

Соня была в своём репертуаре. Яркая, шумная, в рыжем

свитере и с вечно растрёпанной копной рыжих волос, она напоминала мне осенний лист, который ветер занёс в кофейню. Мы обнялись, и я села напротив.

Мы сделали заказ – два капучино с корицей и по куску шоколадного торта, – и начали болтать. Сначала о пустяках. о Сониной работе, о её новом увлечении йогой, о том, что в городе открылся новый кинотеатр. Но я знала, что рано или поздно разговор зайдёт о том, что меня гложет. И я не ошиблась.

– Ну, – Соня отставила чашку и пристально посмотрела на меня, – а теперь давай начистоту. Что у тебя с лицом? Ты весь вечер какая-то... пришибленная. Это из-за него, да? Из-за этого твоего Артёма?

Я вздохнула. От Сони невозможно было ничего скрыть. Она читала меня, как открытую книгу, со всеми моими глупыми надеждами и разочарованиями на полях.

– Да, – призналась я, опуская глаза. – Из-за него. Понимаешь, Сонь... Мне больно. Мне правда больно и обидно. Я же вижу, как он смотрит на других. Как он с ними разговаривает, шутит, смеётся. А со мной... Со мной он как с пустым местом. «Привет, как дела» – и всё. Даже не смотрит. Я чувствую себя невидимкой.

Я замолчала, комкая в руках салфетку. Слова выходили с трудом, и каждое из них было как маленькое признание в собственной уязвимости.

Соня слушала, не перебивая, но по её лицу я видела – она

уже закипает. Когда я закончила, она шумно выдохнула и хлопнула ладонью по столу так, что чашки звякнули.

– Дура ты, Лиза! – выпалила она с жаром, но без злости, а с той суровой нежностью, на которую способны только лучшие подруги. – Дура! Сколько можно страдать по тому, кто тебя не ценит? Сколько можно сохнуть по мужику, который даже мизинца твоего не стоит?

– Сонь, ну он не такой плохой, он просто...

– Что – просто? – перебила она. – Просто слепой? Просто глухой? Просто идиот? Да посмотри ты на себя в зеркало, Лиза! Ты красивая! У тебя глаза такие, что в них утонуть можно, скулы эти твои – девушки за такие пластическим хирургам деньги платят! Ты умная, добрая, заботливая – вон, даже кота голодного приютила! И ты сохнешь по офисному хмырю, который на тебя даже не смотрит?

Я молчала, не зная, что ответить. В словах Сони была правда, но от этой правды не становилось легче. Сердцу не прикажешь.

– Вот увидишь, – продолжила Соня уже мягче, накрывая мою ладонь своей, – счастье само тебя найдёт. Нужно только оглянуться. Может, оно уже рядом, а ты не замечаешь, потому что уставилась на этого своего Артёма, как кролик на удава. Оглянись вокруг, Лиз. Мир большой. И мужиков в нём полно – нормальных, которые оценят тебя по достоинству.

Я подняла на неё глаза и слабо улыбнулась.

– Ты правда так думаешь?

– Я это знаю, – отрезала Соня. – У меня нюх на такие вещи. Так что давай, выкидывай этого Артёма из головы. Прямо сейчас. Представь, что он улетает на воздушном шарике. Фьють – и нет его.

Я невольно рассмеялась. Картинка с Артёмом, улетающим на воздушном шарике, была слишком абсурдной, чтобы не вызвать улыбку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.